УДК 27:94(47)”18”(092) Петр I
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-21-29

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

Реснянский С. И.[1,2], Куренкова Е. А.[2]
[1]Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация
[2]Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. Российская Федерация

Аннотация
Цель. Показать сложный и противоречивый характер церковно-государственной реформы Петра I, отражавший катастрофическое время петровской шоковой модернизации периода Северной войны.
Процедура и методы. Сделан анализ кардинальных структурных изменений в церковно-государственных отношениях периода петровских преобразований. При проведении исследования применены методы системного анализа, проблемно-исторический и сравнительно-типологический, обусловленные темой работы.
Результаты. Аргументированно показана петровская реконструкция перехода от византийской модели «симфонии» духовной и светской власти как многовекового механизма государственного управления к западноевропейскому абсолютизму управления. Авторы приходят к выводу о недопонимании властью важности укрепления для России традиционных несиловых духовно-религиозных скреп российской государственности, что в дальнейшем крайне негативно сказалось на судьбе романовской империи. Введены авторские редакции следующих понятий: «симфония» священства и царства, церкви и государства, а также западноевропейского абсолютизма.
Теоретическая и/или практическая значимость. Определена важность укрепления церковно-государственных отношений как фундаментальной основы духовно-нравственных ценностей тысячелетней российской истории. Результаты исследования вносят заметный вклад в историографию рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: реформа, модернизация, синод, симфония церковно-государственных отношений, западноевропейский абсолютизм

CHURCH-STATE POLICY OF PETER THE GREAT

S. Resnyansky[1,2], E. Kurenkova[2]
Peoples' Friendship University of Russia
ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation
Moscow Region State University
ul. Very Voloshinioi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract
Aim. The purpose of this article is to show the complex and contradictory nature of the church and state reform of Peter I, which reflected the catastrophic time of Peter the Great's shock modernization during the Northern War.

© CC BY Реснянский С. И., Куренкова Е. А., 2022.

Methodology. The article analyzes cardinal structural changes in the church and state relations during the period of Peter the Great's reformations. While conducting the research, system analysis, problem-historical and comparative-typological methods, were applied, determined by the research topic.

Results. The article provides well-grounded evidence of Peter the Great's reconstruction of the transition from the Byzantine model of the "symphony" of spiritual and secular authorities as a centuries-old mechanism of state administration to Western European absolutism of government. The authors come to the conclusion that the authorities misunderstood the importance of strengthening the traditional non-forceful spiritual and religious bonds of the Russian statehood, which subsequently had an extremely negative impact on the fate of the Romanov empire. Author's editions to the following concepts are introduced: "symphony" of priesthood and kingdom, church and state, as well as Western European absolutism.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the article is determined by the importance of strengthening church-state relations as the fundamental basis of the spiritual and moral values of the thousand-year Russian history. The results of the authors' research make a significant contribution to the historiography of the issues under consideration.

Keywords: reform, modernization, synod, symphony of church-state relations, Western European absolutism

Введение

Бифуркационной точкой российской истории является XVIII в., начатый шоковой модернизацией царя Петра I. Личность Петра всегда была дискуссионной, ещё со времён славянофилов и западников, вызывая многочисленную полемику. Полемична она и сегодня среди тех, кто интересуется историей государства российского. Это и понятно, ибо именно Пётр I определял своей пассионарной личностью модернистскую модель, строившейся им имперской государственности, став её «культурным героем», как в своё время Великий князь Владимир Креститель, ставший «культурным героем» для государства традиционного.

Империя, созданная Петром I, называлась «петровской» по имени её создателя, и вполне естественно, что и отношение к этой новой имперской модели переплеталось с её автором. Личность Петра I, да и вся его реформаторская деятельность, во многом действительно носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, все его реформы были, безусловно, актом самосохранения России от уничтожения её суверенности со стороны агрессии западных держав, ибо это было время промышленной революции на Западе и начала колониальных экспансий. Пётр I сумел ответить на «вызов», который был предъявлен России. Именно Северная война – главный катализатор всех петровских преобразований.

Основной инструмент политики Петра I – использование ресурса абсолютной самодержавной власти, лихорадочная государственная экспансия по всему периметру российского социума. В этой связи Пётр I по аналогии с французским королём Людовиком мог бы с полным правом признать, что государство – это, конечно же, он, император Пётр Великий. Армия и флот, новые геополитические приращения, превращение России в мощную европейскую державу – всё это безусловный позитив преобразовательной деятельности Петра.

Но она же породила и колоссальные проблемы в будущем страны. Как писал Г. В. Флоровский, «с Петра начинается «Вавилонское пленение Русской церкви» [8, с. 95]. Кроме того, фундаментальным основанием, базовым компонентом всей реформаторской политики Петра I было, как известно, закабаление подавляющей части населения страны, в то время как крепостное право в Западной Европе

считалось уже анахронизмом. Однако этот факт не помешал Петру I именно со стран протестантского ареала заимствовать западный цивилизационный код, да и сама модернизация, осуществляемая Петром, отождествлялась им с вестернизацией. Но, как показал Н. Данилевский в книге «Россия и Европа», чужеродные цивилизационные модели заимствованию как модели по преимуществу подражательные не поддаются, и рано или поздно они взорвутся, создав смертельную угрозу государственности.

Церковно-государственная реформа

Пётр I был убеждён, что поиск путей восприятия новых западных технологий для выживаемости страны при сохранении старых традиционных духовных ценностей было делом невозможным [9]. Они ассоциировались с его прошлым. Видимо, это было связано с его детскими и юношескими увлечениями Немецкой слободой и с тем кровавым стрелецким бунтом 1682 г., в результате которого были убиты его родственники. Он ненавидел всю старую Россию. И в этой связи хотел видеть свою державу в качестве новой Голландии, меняя русскую гетерогенную национальную идентичность на европейский лад, в результате чего честью и достоинством России, как писал Н. М. Карамзин, сделалось подражание.

Итак, с одной стороны, – реформаторская деятельность Петра, его насильственный рывок в новую реальность, но была и другая сторона этого процесса. Вот как писал о ней И. Л. Солоневич: «Пётр оставил после себя выигранную Северную войну, расходы на которую не стоили “пяти Швеций”, и оставил на целое столетие потерянные возможности на юге (Прутский поход, сдача Азова и флота). Он оставил разорённую страну, отвечавшую на произвол и неслыханное дотоле воровство “птенцов гнезда петрова” безрасчётным отчаянием и разбоем. Он всё-таки подорвал и монархию: вчерашняя уличная девка на престоле была бы так же невозможна в Москве, как невозможно было дальнейшее столетие порнократии. Он подорвал церковь. Он подорвал престолонаследие. И после всего этого историки говорят о «частных ошибках». Эти частные ошибки мы с вами расхлёбываем до сих пор – третьим интернационалом, террором и голодом, законными наследниками великого Петра» [5]. И это тоже парадоксальная реальность петровской эпохи.

Безусловно, невосполнимым в контексте русской истории оказался шоковый удар, нанесённый политикой петровской модернизации по духовно-нравственным мировоззренческим и цивилизационно-ценностным основам российской государственности. Пётр думал, что при смене шапки Мономаха на имперскую корону сущность его православного сознания не изменится. Но оказалось, что это далеко не так, ибо государственно-церковные отношения – это законодательная проблема и реальная политика к Церкви центральной власти и властной элиты на местах. Проблема эта – во всей социально-политической атмосфере в российском социуме, проблема места Церкви – в массовом народном сознании, а не только в сознании российского элитарного слоя. Иная логика поведения, создание новой по преимуществу секулярной элиты и формирование её корпоративной культуры с идентификатором европейскости, в то время как русский народ оставался в допетровской системе православных духовно-религиозных ценностных координат. Всё это привело к небывалому ранее глубокому расколу российского общества.

В результате такой политики образовались разные смысловые поля изолированных друг от друга миров. Сама возможность какого-либо диалога между дворянством и народом оказалась безнадёжно утраченной. Произошёл раскол народа на «тонкий верхний слой, живущий западной культурой, и народ, оставшийся духовно и социально в Московии» [6].

Это глубокое непонимание между элитой и народом на протяжении всего периода романовской империи будет постоянно актуализироваться – и, в конечном счёте, приведёт её к коллапсу в 1917 г.

Действительно, Пётр I был «завязкой русской трагедии». В этом контексте понятна и реконструкция базисной духовной составляющей всей петровской преобразовательной деятельности, его церковно-государственная реформа. И в этой связи, безусловно, один из актуальнейших в рамках петровских преобразований – вопрос о соотношении церковно-государственной политики Петра I и русской религиозной традиции. Преемственна ли эта церковная реформа с православной патристикой Византии? Имеет ли религиозная политика Петра I глубинную генетику в русской многовековой православной традиции? Или же петровское государство силой призвало Церковь к строительству империи, далёкой от идеалов православной теократии? Каков реальный объём духовной власти у Синода в сравнении с прежними Патриархами? Осуществилось ли Петром I эффективное конвертирование западных ценностей в сферу духовного пространства России? Эти проблемы чрезвычайно актуальны не только в контексте петровских преобразований, но и в последующие времена истории государства российского.

Именно в ходе петровских реформ, важнейшей из которых была церковная реформа, произошли кардинальные изменения во взаимоотношениях государства и церкви. Прежде всего, произошло расцерковление самой идеи, на которой основывалась многовековая самодержавная власть. Произошла трансформация интровертной теономной идеи Московской Руси в экстравертную секулярную, по сути, идею христианской империи. Эта инверсия во многом определяла многие приоритеты, составлявшие русское национальное самосознание. Именно при Петре I начало коренной функциональной перестройки всего механизма власти государственного управления, вызванной отбрасыванием всей духовно-религиозной составляющей прошлых веков, бывших прежде несиловыми скрепами российской государственности, а значит утратой прежней сакральности власти и изменением парадигмы правосознания. «Вера в царское самодержавие, – писал П. Флоренский, – мистическое к нему отношение – это один из непременных элементов православия и поэтому изменения в способах управления страной наносит православию новый удар» [7].

Цель петровской церковной реформы была неизмеримо глубже, чем считали многие исследователи петровской эпохи. Её главная цель – государственная абсолютная власть, высвобождение светской власти из-под духовно-религиозных норм, как это было на протяжении многовековой российской истории, и в итоге этого процесса – секуляризация государственной власти и подчинение интересам государственного аппарата церкви. «Новизна петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом» [8, с. 82–84].

Надо сказать, что Пётр первоначально не собирался менять столетиями установленные церковно-государственные отношения. Однако в ходе своей шоковой модернизации у него оставалось всё меньше желания разделять власть с патриархом. В «Духовном регламенте» от 1721 г. Феофан Прокопович писал об этом желании царя: «Дабы у простого народа не возникал соблазн видеть в патриархе некое второе лицо в государстве, почти равное первому, а то и превосходящее его…».

Реализация этого процесса по радикальному изменению церковной политики заняла длительное время. Как известно, 16 октября скончался Патриарх Адриан. Петром I патриаршим местоблюстителем был назначен митрополит рязанский Стефан (Яворский) с резким ограничением его духовной власти: изъяты кадровые вопросы; в восстанов-

ленный в 1701 г. Монастырский приказ, который возглавил царский стольник боярин Иван Мусин-Пушкин, перешли все монастырские земли, архиерейские дома и даже Патриарший двор. Ну а после создания в 1711 г. Правительствующего Сената, Стефан Яворский вообще лишился какой-либо власти, например, определять наместников в монастыри, принимать участие в строительстве храмов и т. д. Всё это отошло к компетенции Сената.

В 1721 г. (кстати, этот год, как известно, был годом Ништадского мира) патриаршество было заменено Духовной коллегией, и какое-то время молитвы в православных храмах возносились к этой самой Духовной коллегии, что само по себе было кощунством. Потом, видимо, поняли, что это напоминает западноевропейский протестантский мир, и решили переименовать Духовную коллегию в Святейший правительствующий Синод (греч. «Собор»). Хотя президентом Синода и был назначен Стефан Яворский, но в качестве надзора за деятельностью Синода уже в 1722 г. была создана особая должность обер-прокурора из числа светских царских чиновников. Первым таким обер-прокурором Синода был гвардейский полковник Иван Болтин.

Теоретическая доктрина церковной реформы была изложена идеологом Петра I, архиепископом Ф. Прокоповичем в его работе «Правда воли монаршей», в основе которой были парадоксальным образом заложены западноевропейские идеи естественного права Пуффендорфа и Гроция. Цель петровской церковной реформы, как следовало из этой теоретической доктрины Ф. Прокоповича, – достижение в России «всеобщего блага», и церковь как часть идеологического государственного аппарата должна всемерно этому способствовать. И это-то в России, где крепостное право (прикрепление крестьян к дворянину-помещику по модели польского крепостного права, а не к земле, к государству, как было в России в прошлом) для подавляющего числа крестьянского населения, начиная именно с правления Петра I, было законсервировано на многие десятилетия.

В реальности же это была попытка внедрить в российское пространство элементы протестантской модели абсолютного государства, которая имела иную генеологию, иной исторический процесс, её родивший, совершенно противоположный отечественной истории, отбросив при этом византийскую модель симфонии властей, «Священства» и «Царства», существовавшую много веков в истории государства российского, ибо она уже для петровской преобразовательной деятельности была абсолютно неприемлема.

Церковь, по своей сути, духовно направляет человеческую жизнь, и частную, и общественную; и в едином служении делу Божию Церковь и Государство составляют, согласно византийской модели, одно целое, один организм, хотя «неслиянно», но и «нераздельно», подобно двум природам в Богочеловеке, в едином Лице Христовом. Однако Пётр I был горячим поклонником протестантских стран Западной Европы, где рождалась в борьбе с папством иная модель церковно-государственных отношений, где светские правители возглавляли реформационные движения в своих странах, естественно подчиняя государству церковные организации, и где государственная власть, власть светских монархов, становилась абсолютной, создавая при этом громадный бюрократический аппарат. Такая модель власти, где церковь мыслилась как религиозная проекция самого государства, этот западный абсолютизм, родившийся в борьбе против католической церкви, отрицал за ней всякое право быть «совестью» государства, сжимая её в жёсткие рамки «обслуживания духовных нужд», причём само государство, чиновничество, определяло эти нужды и то, как их обслуживать.

Именно такой механизм власти реализовывался в российском социуме, те-

оретически имея своим обоснованием работы архиепископа Ф. Прокоповича, ближайшего идеолога Петра I. Естественно, при этом, чтобы соблюсти видимость каноничности новой синодальной модели, Пётр заручился поддержкой Константинопольского патриарха Иеремии и других восточных патриархов, которые, будучи под властью турок, были постоянно зависимы от российской финансовой «милости», получив от них признание, что новая российская синодальная система равна патриаршей власти.

Итак, в отечественной истории наступил резкий надлом. Если в своё время Святитель Иосиф Волоцкий включал в систему Божьего тягла самого царя: «Царь подзаконен и только в пределах Закона Божьего обладает своей властью. А несправедливому или "строптивому" Царю вовсе не подобает повиноваться», – писал он в своём «Просветителе…», то легитимность власти императора Петра I обосновывалась уже не церковным богословием, а правовой западноевропейской системой, элементы которой были заимствованы архиепископом Феофаном Прокоповичем в качестве легитимности монарших прав из западноевропейского общественного договора, рождённого философско-политической мыслью Западной Европы.

Само понятие «самодержавие» как его византийская модель «симфонии» властей, священства и царства, Церкви и государства, под пером Ф. Прокоповича трансформируется в модель абсолютизма западноевропейского разлива. В этой связи парадокс заключался в наделении Петра I императорским титулом и России в качестве империи. Империей же в православном смысле, «катехоном», «Третьим Римом», удерживающим от сил зла в мире, именно с этого петровского периода своей истории Россия быть перестала.

На наш взгляд, до петровских преобразований западноевропейская модель абсолютизма не могла быть внедрена в государственное управление России в качестве политического механизма власти, ибо коренной символ православия, вера «в Церковь православную соборную» был незыблемым на протяжении многовековой российской истории в парадигме «симфонии» светской и духовной власти. Именно исходя из этого факта путь иного порядка к абсолютизации высшей светской или духовной власти в контексте этой византийской модели «симфонии властей» был абсолютно невозможным для государственного управленческого механизма Руси, в которой соборность рассматривалась как одна из главнейших основ всего государственного миростроительства. Только отбросив этот главнейший постулат соборности, как папы это сделали в своё время в Риме, а вслед за ними и светские монархи протестантских стран, взявших себе всю полноту духовной и светской власти, с неизбежностью определялся путь к абсолютной модели властвования.

Идея Святой Руси и была сопряжена с соборностью сознания русского человека. Верующий человек рассматривался как смысловой центр Божественного Космоса. Соборный разум Церкви, а человек – средоточение этого соборного единства. Однако именно с Петра I в России в результате трансформации базисных духовно-религиозных основ, этих несиловых государственных скреп, на уровне элитарной семиосферы утверждается вид нового антропологического типа человека секулярного.

Эта мировоззренческая секуляризационная парадигма определила и содержательную часть идеологии петровской реконструкции. «Регулярное государство» с его всеобщим государственным тяглом, где Церковь являлась только религиозной проекцией светского абсолютизма – эта идея была близка Петру I, и он её всемерно реализовывал в своей внутренней политике. Так, в Дополнении к «Духовному регламенту», который определял роль Церкви в государстве, «о

правилах притча церковного и чина монашествующего», изданном при Петре I, говорилось об обязательности священников доносить в Тайную канцелярию об открытых ими на исповедях злоупотреблениях против государственности. Такая государственная политика породила в православном народе различные толки, особенно в старообрядческой среде, что царь – антихрист на троне.

О подчинении жизни церковной интересам государственным свидетельствует и тот, казалось бы, бытовой факт, что «на некоторых иконах того времени», – писал об этом профессор Духовной академии М. М. Дунаев, – «образ Христа писался с портретов императора Петра I… Многие вельможи, подражая царю, заставляли художников изображать на иконах Святых свой собственный облик. Бог по образу царя, Святой по образу вельможи» [1].

Кардинальные перемены произошли и в богослужебном церковном пении. «В новой парадигме государства», – отмечал известный специалист богослужебного пения композитор В. И. Мартынов, – «Церковь перестала занимать главенствующее положение и превратилась в один из государственных институтов. Богослужебное пение, являющееся звуковым эквивалентом православного царства, было заменено музыкой, партесным пением, являющейся эквивалентом секулярной империи, ибо само Российское государство превратилось из царства в империю, в результате чего богослужебное пение перестало существовать как икона ангельского пения, как ангельское пение» [3].

Конечно, нельзя не упомянуть в этой связи и о Всешутейшем соборе, который функционировал до самой смерти Петра I. В шутовском балагане этого Всешутейшего собора, возглавляемого самим царём, ряд историков усматривали антиправославный вектор под влиянием протестантской среды Немецкой слободы [2; 4]. Этот Всешутейший собор нанёс по позициям православной Церкви удар, сопоставимый с апостасийной политикой всей преобразовательной деятельности Петра I в целом. Разрушение базовых основ русского быта, его десакрализация и инкорпорирование в русский социум западных традиций, которые были несовместимы с православной культурой (например, курение табака, насильственное внедрение иностранной одежды, запрет на бороды, петровские ассамблеи и др.). Всё это создавало новый секулярный мир и новый антропологический тип личности. Всё это были негативные плоды западничества в российском социуме, те самые посеянные «зубы дракона», которые «аукнулись» в 1917 г.

Однако и позитивные приобретения российской петровской европеизации также, безусловно, налицо. Реформы Петра I были актом самосохранения России от уничтожения европейской агрессией. Глубокий метафизический смысл был и в перенесении мощей Св. князя Александра Невского в Петербург. Он свидетельствовал о том, что вся преобразовательная деятельность Петра I и, прежде всего, его церковно-государственная реформа были ориентированы на создание мощной, процветающей российской державы, как сам Пётр I это понимал.

Заключение

Итак, противоречивым характером своей преобразовательной деятельности, сам того не ведая, Пётр I создал вектор неопределённого будущего России, разрушив несиловые духовные скрепы государственности и быта, выступающие под наименованием «связи времён». Новая петровская цивилизационная модель создавалась при полной приверженности Петра западноевропейским материальным ценностям и при игнорировании тысячелетнего опыта российской цивилизации. В этом – актуальнейший урок для современной России.

Дата поступления в редакцию 29.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунаев М. М. Своеобразие русской религиозной живописи. XII–XX вв. М.: Филология, 1997. 221 с.
2. Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М.: Изд-во журн. «Москва», 1998. 540 с.
3. Мартынов В. И. Пение, игра и молитвы в русской богослужебно-певческой системе. М.: Филология, 1997. 205 с.
4. Платонов С. Ф. Пётр Великий [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/platonov_petr_veliky_1926__ocr.pdf (дата обращения: 06.01.2022).
5. Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 511 с.
6. Федотов Г. П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1990. С. 448–449.
7. Флоренский П. А. Православие // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 638–663.
8. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
9. Яшина М. А. Церковная реформа Петра I как попытка «вестернизации православия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 2. С. 55–58.

REFERENCES

1. Dunaev M. M. *Svoyeobraziye russkoy narodnoy zhivopisi. XII–XX vv.* [Originality of Russian folk painting. 12–20th centuries]. Moscow, Filologiya Publ., 1997. 221 p.
2. Ivanov V. F. *Russkaya intelligentsiya i masonstvo ot Petra I do nashikh dney* [Russian intelligentsia and Freemasonry from Peter the Great to the present day]. Moscow, Publishing house of the journal "Moscow", 1998. 540 p.
3. Martynov V. I. *Peniye, igra i molitvy v russkoy bogosluzhebno-pevcheskoy sisteme* [Singing, playing and prayers in the Russian liturgical singing system]. Moscow, Filologiya Publ., 1997. 205 p.
4. Platonov S. F. *Pyotr Velikiy* [Peter the Great]. Available at: https://imwerden.de/pdf/platonov_petr_veliky_1926__ocr.pdf (accessed: 06.01.2022).
5. Solonevich I. L. *Narodnaya monarkhiya* [People's monarchy]. Moscow, Feniks Publ., 1991. 511 p.
6. Fedotov G. P. [National and universal]. In: Maslin M. A., ed. *O Rossii i russkoy filosofskoy kulture* [About Russia and Russian philosophical culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 448–449.
7. Florensky P. A. [Orthodoxy]. In: Florensky P. A. *Sochineniya: v 4 t. T. 1.* [Works: in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1994, pp. 638–663.
8. Florovsky G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2009. 848 p.
9. Yashina M. A. [Church reform of Peter I as an attempt to «Westernization»of Orthodoxy]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social sciences and the humanities], 2018, vol. 18, no. 2, pp. 55–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History Peoples' Friendship University of Russia, Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Evgeniya A. Kurenkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Реснянский С. И., Куренкова Е. А. Церковно-государственная политика Петра I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 21–29.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-21-29

FOR CITATION

Resnyansky S. I., Kurenkova E. A. Church-state policy of Peter the Great. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 21–29.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-21-29